

На наш погляд, відеоігри поряд з негативними характеристиками (уникнення реальності та спілкування, втрата часу і зору тощо) спонукають людину до корисної та продуктивної діяльності.

Незважаючи на численні недоліки віртуального дискурсу та відеоігор зокрема, досліджуваний вид комунікації в житті сучасної людини займає вагоме місце та істотно впливає на розвиток особистості. В освітньому процесі, в умовах зростаючої віртуалізації освіти, відеоігри стають основою для розробки навчальних відеоматеріалів, що мають високу продуктивність і результативність.

Отже, відеоігри поступово стають невід'ємною частиною нашого життя. Вони здатні передати суть та посил художнього твору не гірше, ніж книжкова та відеопродукція.

Література

1. Бедет А. Бурдхардт Д., Камминг А. Глоссарий компьютерных терминов. Минск: Издательский дом «Вильямс», 2002. 432 с.
2. Кириченко О. А. Новації у мові комп'ютерних користувачів. *Філологічні трактати*. 2010. Т.2. № 3. С. 51 – 55.
3. Медвідь О. М. Комп'ютерний сленг. *Вісник СумДУ*. 2005. № 6 (78). С. 50 – 56.

Удовиченко А. С.,

здобувачка,

Бердянський державний педагогічний університет,

науковий керівник – канд. пед. наук, доцент Л. О. Алексєєва

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНИТИВНЫХ МЕТАФОР-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Генитивная метафора по структуре – это сочетание существительного в именительном падеже (или любом другом в зависимости от синтаксической роли в предложении), что является словом-носителем метафорического значения, и непосредственно зависящего от него существительного в родительном падеже. Опорный по смыслу генитив реализует в конструкции свое прямое значение, существительное в именительном падеже обозначает его

через сравнение с другим предметом или явлением. Языкотворчество поэтов, в частности Марины Цветаевой, отличается употреблением большого количества генитивных метафор.

Цель работы – описать структуру и семантику генитивных метафор, которые репрезентуют ментальную сферу, в поэзии Марины Цветаевой.

Метафоры и символы для обозначения ментальной сферы воплощают авторское понимание и образное видение внутреннего мира человека. Ментальная сфера, в нашем понимании, – это общая духовная настроенность, образ мышления, глубинный уровень сознания. Все образы людей у Марины Цветаевой построены с учетом ядерной семантики лексемы *люди (человек)* – «общественные существа, представляющие собой высшую ступень развития живых организмов, которые имеют сознание, обладают членораздельной речью, производят и используют орудия труда» [1, Т. 4, с. 566].

Типичными репрезентантами метафор, описывающих ментальную сферу, являются конструкции с компонентами *душа, память, забвение, существование*, а также образные выражения, в состав которых входит лексика для обозначения чувств – *любовь, ненависть, страх, ревность, гордыня, безропотность, горесть, чванство*.

Лексема *память* соотносится со словом *склеп*, то есть «закрытое подземное помещение, в котором хранятся гробы с умершими; расположенное под землей или внутри горного массива углубление, полое пространство с выходом на поверхность; подвал, подземелье, пещера» [1, Т. 9, с. 279]. Множественное число лексемы *память* говорит о разных ее проявлениях: *В слепотекущий склеп / Памятей. – перетомилась – спрячь / В ивовый сребролетейский плач* [2].

В форме множественного числа употреблена и лексема *забвения* как утрата памяти в стихотворении «Заочность» Марины Цветаевой. Соединение слов *широта* и *забвения* выражает разлуку, которая имеет пространственные характеристики: *Блаженны длинноты, / Широты забвений и зон! / Пространством как нотой. / В тебя удаляясь...* [2]. Лексема *забвения* совместно с лексемой *зоны*, которая обозначает ограниченное пространство, составляет однородный ряд. В свою очередь лексема *широты* вместе с лексемой *длинноты* также составляют однородный ряд. Эти слова обозначают растянутость места. В данном контексте состояние разлуки лирической героини мыслится даже за пределами ее души.

Душа обозначает внутреннюю сущность человека, целостность его индивидуального эмоционально чувственного мира, что является основой ее духовных связей с миром, совокупность всех проявлений психики и сознания человека. В стихотворении «Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу...» Марины

Цветаевой семантика слова *душа* как внутреннего мира личности создана с помощью поэтической сочетаемости лексем *душа* и *перевал* в генитивной метафоре *души перевал*. Слово *перевал* (доступное место для перехода в горах) вносит в семантику лексемы *душа* сему предметности: *Никогда не узнаешь, каких не-наших / Бурь – следы сцеловал! / Не гора, не овраг, не стена, не насыпь: / Души перевал*. [2].

Марина Цветаева употребляет лексему *существование* в негативном значении, как жизнь, лишённую смысла, интереса, как трагический образ жизни. Такое существование соотносится с котловиной, то есть впадиной, углублениями вносит в контекст семантику безысходности: *Существования котловиною / Сдавленная, в столбняке глушизн, / Погребенная заживо под лавиною / Дней – как каторгу избываю жизнь* [2].

В индивидуально-поэтической генитивной метафоре *ненависти вздох* Марина Цветаева аккумулирует внимание читателя / слушателя на чувстве враждебности к объекту, неприятия. В лексеме *вдох*, которая ассоциируется в языке с жизнью, бытием (*вдох* и *выдох* как проявление процесса жизнедеятельности), воплощена способность проявлять ненависть лирической героини: *Балкон. Сквозь соляные ливни / Смоль поцелуев злых. / И ненависти неизбывной / Вздох: выдышаться в стих!* [2].

Продолжение метафоры *ненависти неизбывной вздох – выдышаться в стих* (иными словами *выдышаться в творчество*) – символизирует путь спасения лирической героини, которая все свои душевные переживания может вылить на листе бумаги. Привлекает внимание еще одна генитивная метафора в данном контексте – *смоль поцелуев*. Лексема *смоль* ассоциируется с черным цветом, который, в свою очередь, имеет негативное значение: траур, печаль, боль, опасность, забвение. Такая семантика противоречит значению слова *поцелуй*, которое традиционно имеет позитивные семы и связано с любовью, а не ненавистью. Именно такое поэтическое соединение *смоль поцелуев* усиливает экспрессивность контекста, делает акцент на эмоциях и чувствах лирической героини.

Привлекает внимание употребление лексемы *любовь* вместе с лексемой *страх* в генитивной метафоре *чародейство страха, любви*. Слово *чародейство* в значении магия соотносится с любовью (магия любви). Общим смысловым компонентом этих лексем выступает загадочность, волшебная сила обаяния: *Так Поликсена, всплеснувши: «Кто сей?» / (Знала – костёр!) / Соединенное чародейство / Страха, любви* [2].

В данном контексте акцент также сделан на силе воздействия чувств. Слово *чародейство* – это устаревшая лексема для обозначения волшебства. Она

объединяет в однородный ряд слова *страх* и *любовь*, делая эти чувства семантически похожими, однотипными.

О чувстве высокомерия пишет Марина Цветаева в стихотворении «Отрывок из стихов к Ахматовой». Автор создает генитивную метафору *вал гордыни* на основе общего признака *высота* (высокомерие / высота вала). Употребляя лексему *вал* в значении «высокая земляная насыпь вокруг поселения, города или крепости для защиты от врага» [1, Т. 1, с. 283], автор показывает гордыню лирической героини, сравнимую с неприступной крепостью, боевым сооружением; эта гордыня служит средством защиты для нее: ... *Но вал моей гордыни польской – / Как пал он! – С золотозарных гор / Мои стихи – как добровольцы / К тебе стекались под шатёр* [2].

В стихотворении «Памяти А. А. Стаховича» Марина Цветаева говорит о слезах лирической героини как о следах горести. Иными словами слезы являются уже материальным выражением чувства горести. Эпитет *высокий*, примененный к лексеме *горесть*, усиливает эмоциональный план поэтического контекста. Слезы на варежке лирической героини имеют определение *восковые*. Воск ассоциируется с чистотой и святостью: *Высокой горести моей – / Смиранные следы: / На синей варежке моей – / Две восковых слезы* [2].

Лирическая героиня смиренно принимает уход из жизни близкого ей человека, но определение *смиранные* по отношению к лексеме *следы* никак не умаляет важность события, ведь горесть героини употреблена с эпитетом *высокая*, то есть сильная.

Чувство ревности автор сравнивает с зудом как болезненно-щекочущим раздражением кожи, слизистой оболочки, которое вызывает потребность почесывать раздраженное место. Так и ревность является болезненным ощущением, которое не дает покоя. Ревность – это мучительное сомнение в верности кого-то, в его любви. Семантика боли и мучения, которая присуща слову *ревность*, поддерживается эпитетом *вшивая*: *Черных прачешен кашель, / Вшивой ревности зуд: / Крик, что кровью окрашен: / Там, где любят и бьют...* [2].

Такое чувство, как чванство, то есть «напыщенность, высокомерие, выставление своих преимуществ перед кем-нибудь» [1, Т. 11, с. 287] вспоминается в поэзии Марины Цветаевой в сравнении с карточной игрой. Общим семантическим компонентом для лексем *чванство* и *карта* (игральная) является неискренность, ведь карточная игра ассоциируется традиционно с лживостью, обманом, неискренностью: *Словесного чванства / Последняя карта сдана* [2].

Метафора *плач безропотности* выражает крайнюю степень проявления смирения, покорности, терпеливости. Лексемы *плач* и *безропотность* на

семантическом уровне противоречат друг другу: для плача характерно звучание, а безропотность ассоциируется с молчанием, тишиной, отсутствием звучания: *Плач безропотности! Плач болотной / Цаплицы, знающей уже... Глубок. / Железнодорожные полотна / Ножницами режущий гудок* [2].

Таким образом, лексико-семантическая группа, представляющая в поэзии Марины Цветаевой ментальную сферу (*ненависть, любовь, чванство, гордыня, слезы* и др.), наделена свойствами чувственного восприятия, они соотносятся с предметами окружающей среды. Такое соединение слов в генитивных метафорах Марины Цветаевой расширяет границы индивидуальной поэтической сочетаемости компонентов исследуемых конструкций.

Литература

1. Словник української мови: в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/cvetaeva-ss07-01.html> (дата звернення: 10.10.2021).

Kolodiazhna I.,
Master der Slawistik,
Universität Hamburg, Institut für Slavistik,
Wissenschaftlicher Leiter – Prof. Dr. **Viktoriia Zagorodnova**

Analyse von den Phraseologismen mit einer Farbbezeichnungskomponente “schwarz” und “weiß” in Deutsch und Slavische Sprache

In der Phraseologie spiegelt sich die Geschichte des Landes oder Volks, sowie die besondere Eigenschaften und Unterschiedsmerkmale ihrer Kultur als auch des Alltagslebens. Von der anderen Seite können die Phraseologismen einen internationalen Bedeutungsträger sein und damit als das Zeichnen der internationalen Gemeinsamkeiten in der unterschiedlichen Kulturen dienen. Die Phraseologismen mit der Farbbezeichnungen sind besonders interessant für die komparativistische Analyse, da die Farbe konnte als ein universales Phänomen betrachtet werden sowie als ein heimischer Code, die man als Fremdsprache Lernen sowie impliziert als Muttersprachler erwerben kann. In dieser Arbeit werde ich die Phraseologismen mit